

ГЛАВА 1.

Замок был очень старым, пожалуй, даже древнее, чем можно предположить на первый взгляд. Серые каменные стены как будто устали нести на себе бремя, некогда именуемое домом, и постепенно отдавали частицы себя вечности, улетучиваясь прахом. Кое-где щербины прикрыл зеленым плюшем мох, а местами увил разросшийся плющ.

Вопреки традициям замок стоял не на горе, а в самой середине долины, окруженной лесом. Он грустил в кольце яблоневого сада, тоже невероятно старого и печального. Густо заштрихованный ветвями яблонь, издали замок казался карандашным наброском, до которого так и не добралась кисть художника, или осколком изображения на растрескавшейся эмали. Душа этого дома, несомненно, пребывала в глубоком сне и вряд ли надеялась на пробуждение. Как ни странно, ясный полдень особенно усиливал такое впечатление - груда камня, постепенно теряющая определенность очертаний, пряталась за завесой из солнечного света: он сеялся сквозь облака, как мука через сито. Иными словами, замок казался нереальным, заброшенным и одиноким, точно игрушка, покинутая ребенком на скамье в парке...

И все же он был обитаем!

Графиня поднималась на второй этаж, умудряясь даже на лестнице сохранять царственность облика. Каждый шаг ее казался исполненным значения. Кожа лица холодно белела под высокой прической, смастеренной из черного изобилия кудрей и увенчанной старинной диадемой. Глаза темные и колючие. Зато щеки розовели, будто их намеренно покрыли слоем румян, а потом позабыли смахнуть излишки. О, графиня, безусловно, была прекрасна фарфоровой кукольной красотой, словно оживший портрет викторианской эпохи. Платье на ней было цвета запыленных розовых лепестков, с высоким турнюром и облаком не очень белых кружев, отделявших от ворота точеный алебастровый подбородок.

- Почивает ли еще виконт? - Осведомилась хозяйка замка у встреченного в коридоре слуги в несвежей мятой ливрее.

- Не могу знать, госпожа, - отвечивал тот с поклоном и едва не уронил плохо начищенный серебряный поднос прямо под ноги графине.

Она не удостоила вниманием сей мелкий инцидент и вроде бы даже вовсе не заметила. Зато заметили висевшие по стенам портреты в тяжелых, тронутых патиной рамах. Они повернули головы и дружно посмотрели графине вслед. Одна из дам даже перестала обмахиваться веером из слоновой кости, и

сквозняк в коридоре сразу прекратился. В соседней раме пожилой мужчина в буклях поправил съехавший набок парик, украдкой почесав затылок.

В покоях маленького виконта царил почти ночная тьма, несмотря на полуденное солнце, золотящее сад. Однако свет не мог проникнуть в комнату: путь ему преграждали тяжелые бархатные портьеры, задернутые так плотно, что между ними не оставалось даже крохотной щели.

Скрип открывающейся двери не потревожил малыша, мирно почивающего в кровати, он даже не пошевелился, только глубоко вдохнул застоявшийся, пропитанный пылью воздух - здесь никогда не открывали окон.

Графиня, заслышав сопение, дернула уголком алого рта (вероятно, это означало улыбку) и затеплила резные ночники у постели виконта. По стенам тотчас заплясали волшебные образы: распустив по ветру гриву, мчался в страну сказок быстроногий скакун, ведьма летела на помеле за травами для колдовских зелий... Впрочем, малыш все равно не видел картинок, потому что не просыпался.

Графиня, опустившись на одеяло, пригладила каштановый вихор на лбу пятилетнего сына и некоторое время просто смотрела на его детское сладко-сонное личико. Умилительное зрелище, если не знать, как долг сон!

Вдруг малыш заворочался, потянулся ручками, собираясь открыть глаза, - и графиня встрепенулась. Из складок платья явилась золотая коробочка, полная мази, тало-голубой, как лед весной. Ею графиня смазала малышу лоб, пухлые щечки и грудь в области трепещущего сердечка. Маленький виконт тут же нырнул обратно в омут грез, так и не успев разлепить ржанные ресницы.

- Ты мой маленький мальчик, только **мой** маленький мальчик, - упоенно шептала графиня, перебирая детские кудряшки.

- Звёздочки, мамочка, я очень хочу посмотреть на настоящие звёздочки, - дремотно пробормотал малыш.

- Обязательно посмотришь, **мой** маленький мальчик. Когда вырастешь. А пока смотри сны.

Тут внимание графини привлекла щель, появившаяся там, где немного разошлись две портьеры. Она резко встала и решительно пресекла дерзость солнечного луча, устремившегося в неожиданную лазейку. Запахнув шторы как можно плотнее, графиня открыла музыкальную шкатулку: пусть ее мелодия звучит колыбельной для маленького виконта, и тихонько удалилась.

- Погода сегодня хороша, не правда ли?

За туалетным столиком графини сидела немолодая полупрозрачная, как плохо проявленный снимок, женщина с наполовину седой головой и в старомодном платье оливкового цвета. Когда-то оно, вероятно, поражаало роскошью ткани и отделки, заставляя дам кусать губы от зависти и отыскивать изъяны во внешности его обладательницы. Сейчас же дорогой наряд ни у кого не вызвал бы мук: он не только поблек, но и изорвался, превратившись в печальное обтрёпанное напоминание о былом величии.

- Превосходнейшая, - холодно откликнулась графиня. - Могу я узнать, что вам понадобилось в моей уборной?

- Драгоценности, разумеется! - Призрачные брови живо приподнялись. - Я собираюсь на бал: мой жених ждет обещанной кадрили!

Дама бесцеремонно копалась в украшениях нынешней хозяйки замка, перебирая их тонкими пальцами, будто вылепленными из молочного пара. Она остановила свой выбор на золотом колье с изумрудами, повертела его, оценивая красоту камней, изящность работы и примеряясь к собственному достоинству.

- Вам не подойдет, - злорадно хмыкнула графиня, наблюдая, как призрачная гостья щелкает застежкой и смотрит на себя в зеркало.

Мутноватое стекло отразило лишь повисшее в воздухе колье - вокруг него ничего не было, только часть самой графини и кусок комнаты. Впрочем, изумруды украшали пространство всего мгновение, а затем с тяжелым стуком обрушились на пол. Графиня подняла колье и вернула на место. Пуф, который только что занимала дама в рваном туалете, опустел.

- Она всегда собирается на бал и всегда заводит светскую беседу о погоде, - недовольно молвила хозяйка замка. - Положительно, прабабушка Люсинда невыносима! А впрочем, довольно о ней. Пора, пожалуй, отобедать.

В столовой уже накрывали к обеду. Эта комната, с огромным столом и внушительным камином, выглядела столь же мрачной, как и остальные. И хотя ведущую на летнюю террасу дверь оставили открытой по случаю солнечного дня, положение тем не спасли. Наоборот: живое золото света лишь подчеркивало угрюмость внутреннего убранства - внутри и снаружи отделялись друг от друга, точно два мира, по ту и по эту сторону солнца.

- Где же граф?

Бросив равнодушный взгляд на насупленное лицо хозяйки, слуга пожал плечами:

- Не могу знать, госпожа.

«Зато я знаю», - досадливо подумала графиня. В замке было только одно место, особенно любимое ее супругом, - кабинет.

И здесь царило мрачное уныние - во всем, начиная от неподъемной дубовой мебели до беспорядочно разбросанных на подоконнике желтых листков бумаги. Граф стоял у окна, задумчиво пожевывая кончик гусиного пера, и совершенно не обращал внимания на капающие вниз чернила. По синему бархатному халату уже расплылось несколько пятен, напоминающих раздавленную ежевику.

Графиня бросила на супруга взгляд, в котором читалась откровенная брезгливость, однако почему-то сказала совсем не то, что собиралась.

- Прабабушка Люсинда стала совершенно невозможной! - Дрожащим от негодования голосом начала графиня. - Сегодня она снова перерыла мои драгоценности!

- Полноте, она ведь все равно не сможет их носить, - отмахнулся граф, которым, очевидно, владело элегическое настроение. Он не отводил глаз от начинающей рыжеть макушки сада в бирюзовой небесной косынке.

Графиня топнула ногой:

- И вы тоже невозможны! Почему вы не смотрите на меня, когда я говорю с вами?!

- Я думал, вам приятственны невозможные вещи, - произнес граф, поворачивая лицо с отрешенно-печальным выражением, запавшим в темно-синие глаза. - Ибо возможным слишком легко обладать.

По черной его шевелюре, чуть курчавой на затылке и у висков, разбегались барашки седины.

- Вы уже полдня сидите в кабинете, а между тем, вас ждут к обеду, - проигнорировала слова мужа графиня.

- Простите великодушно, но я не пойду. Я еще не закончил важное письмо.

- Ах, оставьте! Ваши письма никому не интересны! - Возмутилась супруга, высокомерно обзрев бумажный хаос.

Листки были исписаны, но на каждом значилось всего несколько слов:

«Приветствую вас, мой старый добрый друг!» Дальше шло пустое поле, и

только по концу листа жирной чернильной гусеницей ползла длинная подпись графа.

- Что еще за «старый друг»? Разве у вас есть друзья?

Граф потер подбородок, оставив на нем пару ежевичных отпечатков, и проговорил чуть растерянно:

- Вероятно, где-то есть... У людей ведь должны быть друзья, ну, хотя бы один! Вдруг и меня еще кто-то помнит, может статься, даже ждет весточки...

- О, эти ваши бесконечные фантазии сводят меня с ума! - Графиня картинным и неизъяснимо красивым жестом приложила пальцы к вискам. - К чему вам несуществующие друзья, коли рядом с вами близкие люди!

- Близкие? - Граф словно распробовал слово, размолот языком, и ему понравился вкус. - Мой сын по-прежнему спит?

- Вы же знаете: на бедном ребенке лежит сонное заклятье! Что еще ему делать, кроме как спать?

- И пока он спит, он не вырастет, - продолжал супруг. - Сколько бы лет ни пронеслось над миром, виконт не повзрослеет. А вы...

Граф приблизился к графине:

- Вы снова покинете меня, едва наступит ночь?

Графиня попятилась, стараясь не показать свое замешательство.

- Все время вы говорите о пустяках, - принужденно усмехнулась она. - Право же, это не важно. Лучше потрудитесь выйти к обеду - неприлично заставлять общество ожидать вас одного.

ГЛАВА 2.

Обед прошел в молчании, которое время от времени разрывалось ничего не значащими репликами вроде: «Тыквы нынче великолепны! Рагу из них, вероятно, будет особенно нежным» или «Вы видели, как низко идут облака? Наверняка это к дождю!». Граф, так и не сменивший заляпанного чернилами халата, согласно кивал, однако по сути ничего не слышал - взгляд его сохранял отстраненность пребывающего за гранью.

- Вам стоит поговорить с экономкой. Сдается мне, эта прохиндейка не чиста на руку: я уж в который раз не досчитываюсь серебряных ложек, - сказала мужу графиня.

Он рассеянно обозрел скромное общество, собравшееся за столом. Кроме хозяев замка, здесь присутствовали брат графини и сестра графа.

- Разве такой мелочи не может сделать кто-то из вас? - Удивился граф, проходясь взглядом по родственникам.

- Помилуйте, братец, у меня абсолютно нет времени! - Воскликнула сестра, поспешно вставая из-за стола.

- И у меня тоже нет, - поддакнул шурин, выбираясь вслед за нею.

- Видите, чего вы добились? - Поджала губы графиня. - Это ведь ваш замок! Следовательно, и разговоры за вами!

- Непременно, моя дорогая. Завтра обязательно побеседую с прислугой.

Сказав так, граф отпил глоток кофе и скрылся за газетой трехлетней давности.

- Снова завтра.... Решительно, этому «завтра» нет конца!

Граф на мгновение показался из-за газеты:

- Оно почему-то всегда превращается в «сегодня». Его никак не нагнать.

Супруга стиснула руки и горделиво выплыла из столовой, вскинув подбородок еще выше, чем обычно - он резко вознесся над кружевом ворота, увлекая за собою длинную белую шею, вытянув ее струной.

Часы возле камина как раз отбивали очередной час, рокоча гулким сердитым басом. Граф перевернул газетную страницу.

Выйдя в сад, графиня остановилась перед статуей из белого мрамора, стоявшей напротив парадного входа и изображавшей мальчика в костюме пажа. Никто не ведал, когда он появился здесь, и зачем вообще нужен, однако обитатели замка мраморного мальчика побаивались. Им чудилось, будто он постоянно наблюдает за их жизнью, и оттого на лице статуи все время меняются выражения, хотя по большей части они носили отпечаток тоски и обреченности. Вот и сейчас мальчик-паж взирал со своего пьедестала, смешав во взоре грусть и неодобрение. Графине показалось, будто этот взгляд направлен прямо на нее... Хозяйка замка повела плечами, сбрасывая неприятное ощущение, и поторопилась скрыться за стеной - ей не хотелось,

чтобы мальчик смотрел и осуждал, и еще меньше хотелось думать, что у него есть причины для осуждения.

Пытаясь изгнать из головы мысли, графиня забрела в самый старый закуток сада. Сюда редко заходили, потому что, собственно, делать тут было нечего. За самшитовой изгородью притаилось пепелище, родом из «много лет назад». Полупрозрачный худощавый мужчина средних лет, в фартуке, с волосами, взятыми в хвост (одни пряди в нем проступали почему-то четче, чем другие), колдовал над горелой землей, стараясь сотворить из золы нечто стоящее. Когда-то он занимал должность садовника и, видимо, даже после смерти не мог расстаться с любимым делом. Садовник стоял на коленях и лепил из пепла и золы цветы, по лепесткам которых пробегали оранжево-красные искорки - воспоминание о давнем сильном пожаре. Но стоило ему окончить труд и немного отойти, дабы полюбоваться своим творением, как прекрасные создания рассыпались и ложились на землю печальными горстками саж. Но призрак с маниакальным упорством снова и снова брался за дело, стремясь во что бы то ни стало вернуть жизнь и красоту в опустевший уголок сада.

Следя за тщетными усилиями садовника, графиня испытывала сложные эмоции: и тоску, и горечь, и почему-то - стыд... Внезапно призрак повернулся спиной: там, на месте сердца, зияла обугленная черная дыра, в которой колыхалась пышная лиловая хризантема. Она вспыхивала и пульсировала обгоревшими по краям лепестками, будто отбивала ритм...

- Почему у него хризантема вместо сердца? - Удивленно прошептала графиня, поднося руку к губам.

- Ну а что же еще? - Мимо прошествовала прабабушка Люсинда, совершавшая обычную послеобеденную прогулку.

В руках, облагороженных кружевными, серыми от въевшейся пыли перчатками, она элегантно держала костяной зонтик с паутиной, натянутой на спицах вместо ткани.

- Садовник Дэмиан обожал эти цветы, - пояснила Люсинда, замедлив шаг возле хозяйки замка. - И мечтал однажды вырастить новый, прежде небывалый сорт.

- У него не вышло? - Спросила графиня.

- Отчего же? Вышло! У каждого обязательно что-то выходит, если как следует постараться, - прабабушка кинула ироничный взгляд на собеседницу.

- Однако вот незадача: как только бедняга вырастил свои хризантемы, во флигеле, где он жил, вспыхнул пожар. Уничтожив жилище, огонь перекинулся на цветы. Дэмиан бросился их спасать, но что человек может против стихии? Ему удалось сорвать только одну хризантему, да и та обгорела... Несчастливого

тотчас хватил удар. Здесь садовника и нашли: в золе, с остановившимся сердцем и цветком в руке...

- Как печально, - прошептала расстроенная графиня.

- Не так печально как то, что мать отбирает у сына его годы, прикрываясь сонным заклиньем.

- О чем вы?! - Вознегодовала графиня, но прабабушка Люсинда уже ускользнула вперед, обменялась поклоном с садовником Дэмианом, изрекла свое извечное: «Погода сегодня хороша, не правда ли?», и продолжила прогулку.

Граф чувствовал себя особенно неуютно с приходом ночи. Каждый раз ему, взрослому мужчине, хотелось стать мышью и забиться в угол, забраться под плиты пола или хотя бы спрятаться в большой стенной шкаф, чтобы не видеть наступающую тьму. Но он не мог этого сделать, потому что вся мебель в кабинете куда-то исчезала с двенадцатым ударом часов. Оставалось одно кресло. Граф садился туда, и его совсем нельзя было разглядеть из-за очень высокой кожаной спинки. Стены сразу расходились, грани размывались, превращая пространство в бесконечность. Оставались лишь кресло и граф в нем посреди бескрайней глубокой и вязкой, как переваренное черничное варенье, темной сини. Окно, подпирающее потолок, распахивалось, створки отталкивали грязновато-белые занавески и являли глазам все великолепие ночи, в которой всегда царило полнолуние. Графу мерещилось, что ночь грозно надвигается, нависает над ним, и будто есть в ней кто-то живой, и этот кто-то вот-вот бросит в него луну, как теннисный мячик...

А иногда графу представлялось иное: вдруг оживала сама луна, огромная круглая и желтая, словно головка лучшего сливочного сыра, она разливалась океаном, струила волны света, которые плескались уже у самых ног, и звездные блики перекачивались по ним. Лунный океан подбирался все ближе, затапливая тьму, и граф то плыл по нему в своем кресле, словно осколок мачты, то застывал, точно пустынный необитаемый остров. Граф боялся, что однажды он просто захлебнется луной, и почти ощущал, как ее свет бежит внутри, вытесняя живую кровь, как лежит в желудке снежным комом, как залепляет нос, глаза и уши...

А потом вдруг к графу приходила мысль, что, может, утонуть в луне - это не самое страшное: по крайней мере он станет частью чего-то... Быть может, даже нужной частью...

- О, небеса, почему на мне заклинье одиночества? - Шептал граф и погружался в сонное забытие уже перед самым рассветом.

Впрочем, граф оказался не так уж неправ: в ночи действительно кое-кто жил.

...Он тоже появлялся с двенадцатым ударом часов и облетал замок, заглядывая в окна: здешние обитатели его интересовали. Или, скорее, забавляли? Для него не было особой разницы, и преград тоже не было. Он повисал в воздухе, поправлял высокий черный цилиндр, под которым плотно сидела белая маска с прорезями для глаз и рта, хотя внутри вместо и того, и другого клубилась пустая чернота. Но куда деваться тому, у кого нет лица? Если у этого крайне загадочного персонажа менялось настроение, то он заменял одну маску на другую - на его черной фрачной груди они висели рядком, как прищепки на бельевого веревке. А еще на груди имелся карман, в котором пряталась колода карт Таро. Время от времени он и извлекал ее и тасовал руками в белых перчатках, вытаскивая то одну, то другую карту - они подсказывали ему, как поступить, или просто развлекали. Куда бы ни направлялся странный гость, за ним следом тянулась мантия, вся в лепестках осенних хризантем, сшитых звездными нитями. Это был ни кто иной, как Властелин Ночи или же сама Ночь, выбравшая для себя по странному стечению обстоятельств именно такое таинственное обличье.

Сейчас Властелин Ночи неслышно раздвинул наглухо задернутые портьеры в одной из верхних комнат и посмотрел на спящего малыша.

- Звёздочки, я хочу звёздочки, мне без них страшно, - лепетал во сне маленький виконт, и Властелин Ночи кивнул.

Вытащил карты, выдернул наугад одну - попалась со звездой. Он рассмеялся ветром, пробежавшим по верхушкам садовых яблонь и, вытянув руку, вырвал из неба лоскут. В образовавшуюся прореху вывалилась синь, сильно заметная на черном фоне, но обычный человеческий глаз не различил бы ее, разве только уловил несколько неестественный переход цвета.

Властелин Ночи прилепил лоскут на стенку возле кровати виконта. Звезды засияли, наполнив комнату неярким прохладным светом, будто зажегся ночник. Мрак, оживленный свечением, уже не казался таким густым и чернильным, точно чрево каракатицы. Маленький виконт улыбнулся во сне, погладил попавшуюся под руку звездочку, а потом подсунул ладошку под розовую щечку.

Властелин Ночи покинул комнату и наткнулся на фигуру из дыма с развивающимися волосами пепельного цвета и алой розой в них. Ни определенных черт, ни силуэта как такового в ней не просматривалось, фигура очень отдаленно напоминала женскую. Внутри дымного создания то вспыхивали, то затухали крохотные огоньки, похожие на то, как если бы

светлячки, общаясь в зарослях туманных ракит, включали и выключали свои лампы.

- Не ожидала от тебя добрых дел, - промурлыкала фигура.

- Здравствуй, Магия. Разве я такой уж злодей? - Спросил Властелин Ночи.

Они оба поднялись еще выше, туда, где под самой крышей ютился замковый чердак, и откуда доносилось хриплое покашливание. Покашливала, как выяснилось, Волшебная Книга, забытая на пюпитре кем-то из владельцев замка. По углам каморки и под потолком болтались, точно вывешенные на просушку, пряди паутины.

- По-прежнему кашляешь? - заботливо осведомилась Магия, погладив старинный, тисненый золотом переплет.

- Что мне остается? - Хрипло откликнулась Книга. - Всё проклятая книжная пыль! Будь другом, отряхни хоть обложку.

- Её очень давно не читали, - пояснила Магия, обернувшись к Властелину Ночи. Тот устроился прямо за подоконником, перекинув через локоть хризантемовую мантию, и деловито раскладывал пасьянс.

Дымная фигура осторожно перетрясла Волшебную Книгу, освободив от вороха пыли. Книге сразу полегчало, и она горячо поблагодарила Магию:

- Тебе подсказать рецепт чародейства? Какое надо: для любви, или, может, для отворота? А то, может, хворь изгнать?

- Нет-нет, - засмеялась Магия, - Сегодня у меня выходной. Но благодарю за предложение!

Смех у нее тоже был дымный - глухой и неясный, ни женский, ни мужской, с вкраплениями ночных звуков: в нем слышались и уханье филина, и лягушачья песня с ближайшего пруда, и лунное волчье подвывание, и шорох палой осенней листвы в корнях столетних дубов.

- Предлагаю составить компанию мраморному пажу. Думается мне, паренек заскучал на постаменте, - прервал вдруг свое занятие Властелин Ночи и резким жестом сгреб карты. Магия хихикнула: видно, даже у него пасьянс сходится не всегда.

Мальчик и впрямь сидел, сгорбившись на мраморной тумбе, одна нога его тоскливо болталась во мраке, словно ложка в чашке с черным кофе.

- Мое почтение, - приподнял цилиндр Властелин Ночи.

- Приветствую, - буркнул мраморный паж, не поворачивая головы.